

Книга Э. Эпик «О води и ижоре в конце XVIII в. Этнографические и лингвистические материалы в описании Петербургской губернии Ф. Туманского» представляет интерес для широких кругов этнографов.

Рукопись Туманского, написанная в конце XVIII в., оставалась совершенно неизвестной до наших дней и лишь в 1968 г. была обнаружена Э. Эпик в Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

Э. Эпик опубликовала в своей книге наиболее интересные с научной точки зрения части работы Туманского: разделы об истории края, населяющих его народах и их языках, одежде, обычаях и обрядах, суевериях, хозяйстве, растительном мире, а также краткий словарь местных наречий. В книгу включены карта расселения народов в Петербургской губернии, составленная Туманским, и его рисунки.

Текст рукописи Туманского опубликован параллельно с переводом на эстонский язык, выполненным Э. Эпик. Его написаны также Введение и Комментарий к тексту. Комментарий к водскому и ижорскому словарикам Туманского сделаны эстонскими лингвистами Э. Адлер и А. Лаанестом. К книге приложены указатели этнографических терминов и географических названий.

Остановимся несколько подробнее на Введении и Комментарии Э. Эпик. В первой части Введения Э. Эпик характеризует автора рукописи. Ф. Туманский (1746—1810) родился на Черниговщине в богатой дворянской семье и образование получил в Геттингенском университете. В 1786—1794 гг. он весьма деятельно участвовал в культурной жизни Петербурга: писал, переводил, издавал журналы и книги. Его «Российский магазин» (1792—1794) был одним из первых исторических журналов в России, в нем публиковались и этнографические статьи. Уже в 1779 г. Туманский был избран в члены-корреспонденты Петербургской Академии наук, затем в члены Российской академии. После прекращения издания «Магазина» Туманский появляется на общественной арене вновь в 1797 г., но уже в ином качестве — он занял пост цензора иностранной литературы в Риге и стяжал на нем недобрую славу. Так, он пытался запретить публикацию работы известного прибалтийского просветителя Г. Меркеля «Латыши», препятствовал ввозу в Россию изданных в Лейпциге путевых писем Карамзина, преследовал лифляндского пастора Зейдера, которого считал вольнодумцем. Тупое преследование им малейших признаков «якобинского духа» приняло такие масштабы, что сам Павел I назвал Туманского сумасшедшим. Вынужденный уйти в отставку, Туманский умер столь незаметно, что даже дата его смерти спорна.

Работа Туманского о Петербургской губернии возникла не случайно. Он интересовался географическими и этнографическими исследованиями, в частности перевел на русский язык второй том сочинений П. Палласа, на свой счет издал путевые заметки М. Г. Коковцева о Северной Африке.

Парадоксальным образом именно рассматривая рукопись самого Туманского осталась неопубликованной, хотя как раз она заставляет нас по-новому подойти к его оценке, как исследователя (до сих пор он был известен лишь как бездарный поэт и неудачливый историк-компильатор). Э. Эпик полагает, что причиной этому был выход в свет в 1790 г. работы И.-Г. Георги «Описание... С. Петербурга и достопримечательностей в окрестностях оного», и Туманский считал, что публиковать свою работу нет смысла.

Э. Эпик отдает должное Туманскому как этнографу: он обладал даром острой наблюдательности и сумел во время своего краткого путешествия по Петербургской губернии отметить важные этнографические детали, причем сделал это лучше не только своих современников, но и многих более поздних исследователей.

Во Введении Э. Эпик выражает мнение, что поездка Туманского состоялась весной 1790 г., о чем свидетельствуют пометки на рисунках, и восстанавливает маршрут путешествия на основе названий упомянутых им деревень и по лексическим и этнографическим материалам. Можно полагать, что Туманский был в Котлах, возможно в Баабине, затем в нижнелужских деревнях — Орлах, Манновке или Тиенсуу. Побывал он и в центральной Ингрии, вероятно недалеко от Лендовщины.

Э. Эпик анализирует круг источников, которыми мог пользоваться Туманский. Литература того времени по населению Петербургской губернии была очень невелика. В 1776 г. вышло «Описание всех в Российском государстве обитающих народов» И.-Г. Георги, в котором есть сведения об ижоре. Водь там не упоминается, хотя рисунок, изображающий «финскую жинщину», по деталям одежды заставляет полагать, что это водская женщина. Ведь под именем чуди была впервые описана в 1783 г., Фр. Трефуртом. Он приписывал ей финляндское происхождение. Гравюра Трефурта (1785 г.), изображающая вожанку, до сих пор была единственным известным науке рисунком, представляющим архаичную водскую одежду. О води (также под названием чудь) писал и А.-В. Хупель, он даже отметил близость водского и эстонского языков, но не придал этому значения и также выводил ее из Финляндии.

Работы Георги, Хупеля и Трефурта были несомненно известны Туманскому, но рукопись его богаче по сведениям. Так, у Георги упоминаются только ижора и финны,

Туманский называет и чужд, выделяет две группы ижоры (ошибочно считая одну из них ямью), а также финнов, эстонцев и карел, но про последних говорит, что это «финны или карелы», живущие по правую сторону Невы, в Петербургском и Шлиссельбургском уездах, где, как известно, жили только финны (савакот и эврмейсет). К тому же Туманский говорит о том, что они лютеране. Так что речь идет, видимо, о финнах.

Э. Эпик обращает внимание читателя на то, что Туманский был в плену у теорий Миллера, Шлецера и других авторов того времени: именно этим объясняется его желание найти «ямь». Хотя он и отметил, что жители нижней Луги называют себя ижорой, но вывел из этого, что они скрывают свое настоящее имя. По той же причине, записав самоназвание води «вадделасит», Туманский не придал этому значения и предложил именовать их чуждо.

Ошибок в работе Туманского немало — они отмечены Э. Эпик во Введении и Комментарии. Тем не менее его работа первая, в которой показана территория расселения упомянутых народов в Петербургской губернии, приведены их этнонимы и дана их характеристика.

Наиболее существенной для специалистов частью работы Туманского является его описание одежды местного населения, в первую очередь водской и ижорской. Э. Эпик посвящает этому основной, третий, раздел Введения.

Женская одежда води обратила на себя внимание Туманского как своей самобытностью, так и наличием в ней возрастных отличий. Туманский выделил одежду «девки», «молодки», замужней женщины и старухи. Основной женской одеждой был глухой сарафан без рукавов, у девушек — из белого полотна — «амы», а у замужних женщин — из синей шерстяной ткани — «рукка». Поверх сарафана носили короткую кофту, не доходящую до пояса.

Девушки носили волосы распущенными, головной убор был в форме круглой шапочки «пьянсе». При выходе замуж девушке брили голову и надевали сплошной формы головной убор «пайкас». Через два года после замужества женщина переставала считаться молодой, из ее костюма исчезала часть украшений и вновь менялась форма головного убора. Одежда старух состояла из одной рубахи «уммико» и старушечьего головного убора; из украшений сохранялись только серьги и ожерелье с крестом.

Ижорская одежда, видимо, не имела возрастных отличий. Туманский указывает лишь, что девушки носят волосы распущенными, а замужние женщины — собранными под головным убором. Туманский подробно описывает ижорскую женскую рубаху и верхнюю одежду в форме двух передников, вышивки, украшения, обувь.

Одежда «ямь» описана очень бегло, говорится только о том, что богатые одеваются сходно с ижорой, а также отмечено, что при выходе замуж девушке, как и у води, бреют голову, но потом волосы отпускают.

Э. Эпик провела анализ материалов Туманского и сопоставила их с теми сведениями, которыми мы располагали до сих пор, с тем чтобы установить, во-первых, насколько достоверны его сведения, во-вторых, чтобы было ясно, какими новыми данными благодаря рукописи Туманского располагает теперь наука.

Описания Туманского очень точны, что можно установить при сопоставлении их с более поздними данными и, что еще более существенно, многие элементы одежды и их покрой становятся впервые известными благодаря его рукописи. Очень важна и записанная им терминология, а его сведения о возрастных различиях в водской одежде позволяют уточнить комплексы ее как в конце XVIII в., так и в последующие периоды. Э. Эпик констатирует изменения в одежде води и ижоры, которые произошли на протяжении XIX в., и дает их возможную датировку. Это позволяет еще раз подчеркнуть, что развитие одежды, нивелировка водской и ижорской одежды и восприятие элементов костюма соседнего населения, в частности русского, шло в различном темпе в разных частях Ингрии. Благодаря Туманскому можно проследить, как новшества прежде всего появляются в одежде молодых, переходят в одежду женщин средних лет и затем становятся принадлежностью старушечьего костюма и смертной одеждой.

Тщательное исследование водской одежды, проведенное финским этнографом Карриной Салминен в 1930-х годах, привело ее к выводу, что в прошлом води носила одежду типа холщового сарафана «амы». Опираясь на этнографические, языковые и фольклорные материалы, она установила, что такую одежду в середине прошлого века носили старухи, в то время как девушки носили уже юбки типа паневы. По материалам Туманского видно, что в его время сарафан «амы» носили девушки. Э. Эпик полагает, что рубаха типа «уммико», о которой Туманский пишет как о старушечьей, была в свое время одеждой молодых женщин и девушек. В целом это вполне соответствует тому, что ношение рубахи в качестве верхней одежды было широко известно. Э. Эпик делает при этом обоснованную оговорку, что и безрукавная одежда типа сарафана была архаичным элементом одежды, так как известна по археологическим материалам периода позднего железа из Эстонии, Финляндии и Карелии; такой же покрой имел и древний русский сарафан.

Материалы Туманского позволяют также уточнить происходившие в Ингрии процессы формирования общего водско-ижорского комплекса одежды и подтверждают некоторые положения, бывшие до сих пор только догадками. Так, об одежде, распространенной на нижней Луге во второй половине XIX в. у смешанного водско-ижорского населения, уже выражалось мнение, какие ее элементы принадлежат води и какие ижоре, но опираться при этом можно было только на лингвистические материалы. Те-

перь, отмечает Э. Эпик, мы можем считать доказанным, что поясная одежда «хурстук-сет» была ижорским элементом, в то время как набедренники «каатерит» принадлежали первоначально к водскому комплексу.

У Туманского много сведений, позволяющих заново пересмотреть вопросы историко-культурных связей водского и ижорского населения с другими народами.

В этнографической литературе со времен Сирелиуса высказывалась мысль о связи водской и ижорской одежды с формами, восходящими к Волго-Камского бассейну. Более детально занялся в свое время этим И. Маннинен, считавший, что контакты Ингрии с Поволжьем относятся ко времени до заселения южного побережья Финского залива славянами, т. е. до IX в., и что они шли через булгарских купцов. Эта точка зрения получила общее признание в финской литературе.

Э. Эпик посвятила анализу этого вопроса значительную часть своего исследования. Как во Введении, так и в Комментариях мы находим сведения по этому вопросу и убедительные выводы из них.

Э. Эпик рассматривает не только материалы Туманского и литературу по водско-ижорской одежде, ею привлечена и новая литература по Поволжью, которой не было во времена Маннинена, а также рассмотрены археологические материалы. Э. Эпик присоединяется к тому мнению, что головной убор водской девушки «пьясие» сходен с головными уборами девушек у финно- и тюркоязычных народов Поволжья. Очевидно сходство нагрудных парных украшений води с удмуртскими. Можно считать родственными удмуртским и водские серьги «пелдушкат», название которых позволяет предполагать, что они восприняты водью через посредство русского населения. Ижорские ушные украшения «таллукар» — подвески к сергам в форме незамкнутого кольца с двумя фиксированными ножками — впервые стали известны благодаря Туманскому. Э. Эпик сравнивает их с местными археологическими материалами и восточными параллелями и приходит к выводу, что они были заимствованы ижорой с востока вместе с тюрко-татарским названием. Восточным элементом в украшениях являются раковины каури, которые к тому же отличали водско-ижорские вещи от славянских на этой территории. Э. Эпик приходит к хорошо аргументированному выводу, что связи эти относительно поздние, видимо, второй половины XIV в., золотоордынского и позднего булгарского периода.

Заново рассмотрен Э. Эпик вопрос и о западнофинских и прибалтийских элементах в одежде местного населения. Как известно, некоторые исследователи (в частности Н. Прыткова) считали их незначительными. Э. Эпик не разделяет этой точки зрения, совершенно справедливо указывая на большое число общих элементов. Уже выше мы называли общую для Эстонии, Карелии, Финляндии и рассматриваемой территории известную по археологическим находкам глухую безрукавную одежду типа сарафана. К этому следует добавить короткие кофты «рукава», описанные Туманским для води и известные в Северной Эстонии и на островах Финского залива, заселенных финнами. Для всей Прибалтики характерно использование в качестве украшений бронзовых спиралек, которые отмечает Туманский при описании одежды води.

Материалы Туманского отмечают русские заимствования в водско-ижорской одежде. В его время их было немного, но их фиксация позволяет уточнить процесс проникновения русских элементов в костюм финноязычного населения и датировать ход его с большой точностью.

В заключение хочется еще раз подчеркнуть, что с публикацией названной книги этнографы не только получили возможность ознакомиться с ранее неизвестной рукописью Туманского, но этнографическая литература пополнилась и прекрасным исследованием, написанным Э. Эпик. Э. Эпик посвятила работу памяти своего учителя — Д. Зеленина и, следует сказать, он мог бы заслуженно гордиться такой ученицей.

Н. В. Шлыгина

Yakutia before its incorporation into the Russian State. Montreal-London, 1970, XII, 499 p.

Первый том «Истории Якутской АССР» (автор — А. П. Окладников) вышел в свет в 1949 г., второе издание появилось в 1953 г. В советской научной печати эта работа была высоко оценена¹. Все рецензенты подчеркивали разнообразие использованных источников². Изучение далекого прошлого многочисленных народов, населявших этот регион, смены разнообразных культур и их взаимопроникновения представляло очень большую трудность. Автор первого тома «История Якутской АССР» успешно справился с этой сложной задачей.

В 1970 г. Арктический Институт Северной Америки опубликовал перевод первого тома «Истории Якутии» на английский язык. Работа вышла под редакцией профессора

¹ См., например: С. В. Бахрушин, Научные труды, т. 3, ч. 2, М., 1955, стр. 264—265.

² См. также рецензии на эту книгу: В. Н. Чернецов, «Сов. этнография», 1950, № 3; П. И. Борисковский, «Вестник ЛГУ», 1950, № 2; Н. Н. Степанов, «Вопросы истории», 1950, № 5; С. А. Токарев, «Вестник древней истории», 1954, № 2.